

Недоучившийся в текстильной академии, не имеющий мастерской, Миша победил в двух конкурсах «Нина Риччи», в конкурсе памяти Надежды Ламановой. Как гром среди ясного неба прозвучало известие о том, что Мишу пригласил на работу один из крупнейших японских модельеров (имя его — коммерческая тайна, и хотя тайна эта весьма прозрачна, будем соблюдать условия игры).

— В качестве кого вы едете?

— Я еду работать художником-дизайнером по контракту. Буду выполнять эскизы мужской и женской одежды, исследовать новые ткани и придумывать аксессуары, начиная от кошелечков и кончая сумочками, зонтиками.

— Как вас выбрали?

— Меня познакомили с ним, я показал ему свои работы, и он сразу сказал, что предлагает работать у него. Хотя и спросил: «Почему вы подошли именно ко мне? Хотите работать у меня?» Я сказал, что не думал насчет работы. Но мне просто он очень интересен, и я хотел знать его мнение о моей коллекции. Ему понравилось, он сказал, что у меня уже утвердившийся стиль, что я ни на кого не похож.

— Как бы вы описали свой стиль?

— Я иду от формы, для меня это прежде всего. Затем мне очень нравится играть, хулиганить с тканью, сочетать несоединимые вещи.

— Вы выиграли множество конкурсов. Это что-то изменило в вашей жизни?

— Конкретно на мою жизнь это не повлияло. Но мое имя прошло по газетам, по журналам, люди еще раз увидели коллекцию, услышали про Мишу Пантелеева. Но предложений не было. Спонсоров не появилось. Мои вещи не всегда носимые и не всегда продаваемые.

— Как вы работаете?

— Я работаю один. Корсеты, подкладка, обувь — все сам. Только юбки отдаю портнихе, она стачивает при мне швы.

— Фактически это «от кутюр»?

— В смысле ручной работы — да, прямой «от кутюр», хотя и шинельный, войлочный, сыромятный. Русский «кутюр», без мишуры.

— Как возникла идея дерюжного стиля? От бедности?

— У меня родители художники. Я в детстве объездил с ними весь Север. Россия для меня — это не золотые купола, не кокошники со стразами — кичушка такая сладенькая, а именно холод, грязь, земля, слякоть, размытые дороги. Не очень комфортно, конечно, но родина, что ж поделаешь. Интуитивно мне это ближе. Конечно, я люблю что-нибудь надевать в мюглери-готьевском духе. Пытаюсь сочетать одно с другим.

— Ваши модели кто-то покупает?

— Никто. Мама и жена в шоке: я шью коллекцию, до показа она висит, а после я ее привожу домой, брошу в угол, и там она может валяться месяцами. Я работаю по ночам, это огромный труд. Но после показа платья, как опавшие листья, для меня они уже мертвы, в голове уже другое, новое.

— Нет ни одного человека, который это захотел бы надеть?

— Нравится многим, но купить и надеть — нет.

— Как же вы живете?

— Шью иногда на заказ — на «звезд», на банкиров. Но уже не из дерюги. Очень обидно, но они пока еще не созрели для уникальной

Миша Пантелеев: «от кутюр» из дерюги

Московские новости, — 1996. — 7-14 апр. с. 42

НОВЫЕ ЛЮДИ

30-летний Миша Пантелеев считает, что родился модельером.

Его модели, создаваемые сначала на кухне, потом в маленькой каморке по ночам, ни на что не похожи.

Солдатское сукно в них сочетается с атласом, кокосовый орех — с оренбургским платком и крашеной марлей.

одежды. Предпочитают бархат, атлас, шифончик... Людям, у которых нестандартное мышление, очень сложно в России. Всегда было так.

— Почему из всех возможных вариантов вы выбрали не Францию, не Италию, а именно Японию?

— Возможности были, да. Благодаря удивительно женские Марии Тер-Маркарян — фактически единственному у нас знатоку моды. Она меня выделила и решила помочь. Но японцы взялись за меня, вывели меня с коллекцией, после показа поступило много предложений. Это очень интересная страна, просто уникальная, целая планета, совершенно самостоятельная.

— Чего вы ждете от этой поездки? Какой будет степень вашей свободы?

— Свобода у меня будет полная. Другое дело — то, что я буду делать, будет не под моим именем.

— Вас это не шокирует?

— Ой, что вы! Быть русским модельером — такое гиблое дело! Нужно либо уезжать, либо переквалифицироваться — расписывать матрешки. Я оптимист, но я не уверен, что при моей жизни увижу в России грамотный подход к бизнесу моды, к индустрии моды. У нас моды не было и нет.

— Где вы берете такие ткани?

— Моя «русская серия» сшита из коричневого буклированного твида и рогожи. 15 метров буклированного твида мне подарили в Париже. Но из одного твида мне не хотелось шить, хотелось чем-нибудь дополнить. Я купил несколько мешков из-под картошки — самая настоящая дерюга. Постирал, высушил, выгладил и соединил стопроцентную английскую шерсть — к а ж д ы й метр стоит больше ста долларов — с нашей рогожей. Это было очень красиво. Одна вещь была из чистого льна. Я купил в «Русском льне» ткань, которой обертывают станки. Тогда она стоила 200 рублей метр. Японцы как раз обратили внимание на натуральные волокна, из чего я шью и как это понимаю. Последняя коллекция у меня из русского валенка и крашеной марли.

Как вы видите свою дальнейшую жизнь — профессиональную и личную?

— Я хочу поработать по-настоящему на высоком уровне. Япония — это даже не Европа, это выше. И технология, и кухня. Я хочу

знать, как это делается.

— Как вы сами одеваетесь, какие у вас принципы в одежде?

— Я одеваюсь безалаберно. Что висит, то и надеваю.

— А кто в шкаф-то вешает?

— Я, конечно. Я с самого детства мучился — что мне родители покупали, я не носил. Хотя они у меня люди со вкусом. Если есть такая возможность — шить на себя (то есть не я шью, у меня есть друзья, которые работают по коже), я даю свой дизайн, и мне его отшивают. Обувь шьют, пиджаки.

— Даже обувь?

— Я считаю, обувь — это просто изюминка в костюме. Раньше, учась в академии, я больше внимания уделял себе, был такой стильный молодой человек. Про меня говорили — посмотришь, сразу видно, что модельер. А в последнее время я совсем не уделяю внимание этому, потому что понял, что это не самое главное. Конечно, по одежке встречают, но...

Я понимаю, что в Японии буду в самых верхних кругах, и мне надо будет быть постоянно «с иголки». Они сразу смотрят на руки, на маникюр, на часы. Это становится самым важным, потому что оценить мою личность им будет трудно. Японский язык я немного освоил, чтобы на улице спросить. Но что мне ответят, я уже не пойму.

— У вас есть кумиры в мире моды?

— Есть очень много интересных дизайнеров. Интересно, что после поездки в Японию я совсем по-иному отношусь к Готье. Я был под большим впечатлением от него, но сейчас, когда я увидел, что он предлагает на продажу — он же полностью под японцами, там в любой палатке можно купить что угодно от него, начиная с колечка и кончая пальто за бешеные нули, — он для меня просто умер. Такой кич — сплошь «цацки». Ближе мне Мюглер, потому что он чувствует форму. Монтана... Гальяно сейчас интересен тоже, не все, правда. Конечно, очень нравятся Диор, Баленсиага, Пату — старые вещи, классика. И совершенно прекрасны Иссей Мияке и Ямамото. Я всегда знал, что они гениальные, но, съездив туда, почувствовал, что такое японский дух, и понял, что Ямамото божественно прекрасен, а, допустим, Тьерри Мюглер дьявольски хорош. Японские дизайнеры божественны — они берут энергию воды, солнца из окружающей среды.

— Вы не боятесь, что вас эта фабрика переработает, выпрямит, поглотит ваши идеи и выплюнет?

— Все известные мировые дизайнеры когда-то у кого-то работали.

— Но «в тени большого дерева ничего не растет»...

— Посмотрим, что я за человек, что у меня в голове. Японцы, конечно, выжимать умеют. Но пусть выжимают — я хочу работать, хочу видеть, что мои вещи показывают так, как это должно быть, по-настоящему. Я уверен, что с моей трудоспособностью в дальнейшем буду работать под своим именем. Но сейчас хочу научиться. Я сейчас самоучка, на кухне занимался самопалом. А мне нужна настоящая школа, потому что в России нет ни одного человека, который мне мог бы это дать.

Елена ВЕСЕЛАЯ